

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

«Ученые путешествия» конца XVIII — начала XIX в. и исследование Херсонеса Таврического

А. А. ЗЕДГЕНИДЗЕ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье рассматриваются этапы изучения сельскохозяйственной территории (хоры) Херсонеса Таврического (древнегреческой колонии, располагавшейся на территории современного Севастополя), которые связаны с «учеными путешествиями», организованными Российской Академией наук во второй половине XVIII — начале XIX в., а именно с работами Петра Симона Палласа (1741–1811) и Фредерика Дюбуа де Монпере (1798–1850). Научное значение Херсонеса заключается в уникальной сохранности хоры: на его примере мы можем исследовать не только город, но и его хору, т. е. изучать античное государство в его целостности.

Заслугой Палласа является указание на значимость Гераклейского полуострова (территории, где располагалась хора Херсонеса) в плане сохранности античного культурного ландшафта. Паллас первым интерпретировал назначение линейных кладок, покрывавших полуостров, в качестве оград полей (наделов граждан Херсонеса); обратил внимание на остатки башен на полуострове, назвав их укреплениями для защиты долин; провел разведки на Маячном полуострове, где находились остатки «древнего Херсонеса», упомянутого Страбоном. В результате были открыты крепостные сооружения на перешейке Маячного полуострова. На острове в Казачьей бухте Паллас зафиксировал строения, которые включил в данную систему крепостных сооружений.

Труд Дюбуа де Монпере — это уже не отдельные наблюдения над античными памятниками, а научная работа, приближающаяся к их современному пониманию. Дюбуа составил «План Гераклейского полуострова», где показал размежевание на участки и впервые зафиксировал внутреннее межевание; первым дал описание межевых стен полуострова; впервые обособил город от «предместья» (т. е. от хоры); назвал количество участков, близкое к современным исследованиям; первым употребил термин «надел»; дал типологию усадеб и башен Гераклейского полуострова. Он понял также, что полуостров был предназначен для виноградарства.

Значимость нашего исследования обусловлена тем, что интерпретация античных сооружений на Гераклейском полуострове является актуальной историко-археологической проблемой. Это делает необходимой систематизацию всех источников по хоре Херсонеса, в том числе ранних. В статье показано, что направления современных исследований аграрной структуры Херсонесского полиса во многом заложены в трудах ученых XVIII и XIX вв. — Палласа и Дюбуа де Монпере.

Ключевые слова: историография Херсонеса, полис, хора, античный культурный ландшафт.

Научная значимость античного Херсонеса заключается прежде всего в уникальной сохранности его сельскохозяйственной территории (хоры), которая вплоть до 1990-х годов являлась наиболее полно сохранившейся в ареале расселения греков в Средиземноморском и Черноморском регионах. Несмотря на то что сохранилось немало древнегреческих городов и они доступны для обозрения, их сельскохозяйственная территория обычно оказывается застроенной в последующие эпохи. Таким образом, мы видим остатки античных городов, но не видим их хоры. Между тем именно хора в значительной степени была основой существования многих греческих полисов.

В Херсонесе мы можем исследовать не только город, но и хору, т. е. изучать античное государство в его целостности. В этом смысле Херсонес является археологическим эталоном, моделью греческого полиса. Хора Херсонеса включала в себя систему наделов на Гераклеийском полуострове, т. е. на территории, заключенной между Севастопольской бухтой, Херсонесским мысом и Балаклавой: на пространстве площадью около 100 км² пролегали параллельными линиями каменные полосы, пересекавшиеся под прямыми углами и делившие полуостров на почти равные земельные участки. На некоторых из них сохранялись руинированные строения — остатки башен и усадеб (Зедгенидзе, 2012а: 68). Существенно также, что Херсонес упомянут в седьмой книге «Географии» Страбона — самого крупного из античных сочинений этого рода и одного из немногих, почти полностью дошедших до нас: «Если плыть дальше вдоль побережья, следует выдающийся в море на юг большой мыс, который составляет часть целого Херсонеса. На этом месте расположен город гераклейцев (колония гераклейцев на Понте), который также называется Херсонесом и отстоит, если плыть вдоль берегов, на 4400 стадий от Тираса. В городе есть святилище Девы (какого-то божества). В 100 стадиях перед городом находится мыс, названный по имени этого божества Парфением, с храмом божества и его статуей. Между городом и мысом 3 гавани. Затем следует древний Херсонес, лежащий в развалинах, и потом гавань с узким входом, где тавры (скифское племя) обычно собирали свои разбойничьи банды, нападая на тех, кто спасался сюда бегством» (Стратановский, 1964: 282).

Страбон пишет о существовании двух Херсонесов — о «городе гераклейцев» и о «древнем Херсонесе». Город гераклейцев — это всем известный Херсонес. Однако чем именно был «древний Херсонес, лежащий в развалинах», не сообщается. Это породило проблему «древнего Херсонеса» Страбона, одним из аспектов которой стал вопрос об исторической связи между двумя Херсонесами. Территориально «древний Херсонес» находится на юго-западной оконечности Гераклеийского полуострова — Маячном мысу (который также называется Маячным полуостровом). На перешейке Маячного полуострова было возведено укрепление с фронтальной и тыловой оборонительной стеной, за которой находились земельные надель. Мы, как и ряд исследователей, считаем, что Маячный мыс являлся древнейшей сельскохозяйственной территорией Херсонеса, освоенной первой, до размежевания Гераклеийского полуострова в целом (Зедгенидзе, 2011: 296). В целом понимание сети античных сооружений на Гераклеийском полуострове как определенным образом организованной сельскохозяйственной округи Херсонеса складывалось постепенно, и интерпретация ее продолжается до настоящего времени (Зубарь, 2007; Зедгенидзе, 2011). В этой статье мы рассмотрим этапы изучения хоры Херсонеса, связанные с Петром Симоном Палласом и Фредериком Дюбуа де Монпере, и охарактеризуем значение их работ.

Первый период исследований Крыма начинается сразу после присоединения территорий северного побережья Черного моря к России и определяется деятельностью Петербургской Академии наук. Организационная основа исследования древних памятников Крыма была заложена генерал-губернатором Новороссийского края князем Г. А. Потемкиным. Главным результатом начального периода исследования Херсонеса являются крупномасштабные карты Херсонеса и его округи (Гераклейского полуострова), выполненные в 1786 г. под руководством К. И. Габлица и опубликованные впоследствии выдающимся историком того времени митрополитом Евгением Болховитиновым (Е., 1822). Это были первые в Европе археолого-топографические карты высокой степени точности, используемые до настоящего времени при изучении пространственной организации Херсонесского полиса. К дате, указанной на одной из карт, — 1786 год мы относим начало исследования Херсонеса. Более подробное рассмотрение этого периода и характеристика вклада Потемкина, Габлица и митрополита Евгения даны нами ранее (Зедгенидзе, 2012а; 2012b; 2014).

Следующий этап изучения Херсонеса связан с именами П. С. Палласа и Ф. Дюбуа де Монпере.

В истории Российской Академии наук особо выделяется период академических экспедиций и «ученых путешествий»: вторая половина XVIII — начало XIX в. Выдающееся место среди российских и приглашенных зарубежных исследователей занимает П. С. Паллас (1741–1811). В 1766 г. Петербургская Академия наук избрала Палласа своим действительным членом, он был приглашен для работы в Россию. В этом же году, уже имея докторскую степень, звание профессора естественной истории и признание в Европе, он прибыл в Россию и прожил здесь до 1810 г. В 1768–1774 гг. Паллас провел экспедиционные исследования европейской части России, Урала и Сибири, в результате были изданы его фундаментальные труды, среди которых «Путешествие по разным провинциям Российского государства» в трех томах (1773–1788). Научные результаты экспедиции имели большое практическое значение; были получены сведения о природных богатствах Восточной Сибири и Алтая, которые до этого почти не были известны (Бойко, Ткачева, 1999: 7–14). В ходе второго путешествия Паллас исследовал Таврическую область. Результатом явилась книга «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793–1794 годах» с посвящением императору Александру I. В нем Паллас писал: «Настоящая работа есть также плод милостивого покровительства, оказанного великой государыней (Екатериной II. — А. З.) полезным знаниям, и я радуюсь тому, что дожил до того времени... когда мог положить к стопам Вашего Императорского Величества этот труд» (Паллас, 1999: 19). В этом труде Палласом освещены вопросы геологической структуры, флоры, фауны и истории Крымского полуострова.

Переходя к вкладу Палласа в изучение Херсонеса, следует прежде всего отметить, что его заслугой является указание на значимость Гераклейского полуострова в плане сохранности античного культурного ландшафта: «Окрестности Севастополя... представляют собой поистине классическую почву, где на каждом шагу встречаются греческие древности» (там же: 40). Осматривая Гераклейский полуостров, Паллас сделал ряд конкретных наблюдений и выводов относительно его античных памятников. Им была показана граница Гераклейского полуострова и зафиксированы остатки не сохранившейся до настоящего времени стены между Балаклавой и Севастопольской бухтой. Паллас первым интерпретировал назначение линейных камен-

ных кладок, покрывавших Гераклеийский полуостров: «Херсонес покрыт следами старых стен, по-видимому, построенных для ограждения полей» (там же: 42). То, что Паллас назвал полями, в настоящее время считается сельскохозяйственными наделами граждан Херсонесского полиса. Также Паллас обратил внимание на остатки башен на Гераклеийском полуострове и сделал вывод об одной из их функций, назвав эти башни укреплениями для защиты долин (там же: 42).

Далее Паллас провел разведки на Маячном полуострове (являющемся юго-западной оконечностью Гераклеийского полуострова), где находились остатки «древнего Херсонеса», упомянутого Страбоном. В результате этих разведок были открыты крепостные сооружения на перешейке Маячного полуострова, которые показали Палласу настолько значительными, что он назвал Страбон Херсонес «самой замечательной местностью во всем Херсонесе в отношении древностей» (там же: 45).

В верховье бухты, находящейся с северной стороны Маячного полуострова (она называется Казачьей), есть небольшой остров. На этом острове Палласом были зафиксированы строения, которые он включил в общую систему древних крепостных сооружений на перешейке полуострова: «Первым замечается также у начала полуострова малый остров... Считаю себя обязанным дать план этого укрепления... Сильнейшая защита была на самом островке, обороняемом не только толстыми стенами из тесаного камня, но и башнями, основания которых еще видны... По-видимому, с этого же угла до моря шла стена и почти против нее — другая, от побережья залива по направлению к высоте, где был расположен город. Представляю сообразить, было ли это укрепление построено для защиты древнего Херсонеса или это была крепость, воздвигнутая скифским царем Скилуром» (там же: 45). Относительно назначения древнейших строений на острове в Казачьей бухте у последующих исследователей нет единого мнения. В 1845 г. лейтенант Черноморского флота князь В. И. Барятинский провел первые археологические исследования на Маячном полуострове (Гриневич, 1931: 9). На острове в верховье Казачьей бухты он раскопал небольшой средневековый монастырь с остатками храма. Позже К. К. Косцюшко-Валюжинич под кладками монастыря открыл сооружение, трактованное им как «последняя башня» восточной оборонительной стены на перешейке полуострова («Отчет о раскопках на Маячном полуострове. 1890 г.», см.: Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Дело № 1. А. 72). А. В. Буйских считает, что на плане П. С. Палласа «передан общий абрис почти квадратной в плане усадьбы» типа «городского дома большой площади» (Буйских, 2008: 140), выстроенной в начале освоения полуострова и перекрытой затем монастырем. Средневековая планировка, исключая храм, повторила планировку более раннего времени (там же). Необходимо отметить, что, несмотря на то что Паллас не проводил на Гераклеийском полуострове археологических раскопок, он видел его античные памятники в наиболее сохранном виде. Существенно, что его наблюдение об оборонительном сооружении на острове в Казачьей бухте было подтверждено раскопками Косцюшко-Валюжинича. Это заставляет нас с вниманием отнестись к предположению Палласа, что на острове находилось именно укрепление для защиты «древнего Херсонеса» (возможно, башня).

Следующий этап изучения Херсонеса связан с именем Фредерика Дюбуа де Монпере (Frédéric Dubois de Montpéroux, 1798–1850), выходца из Швейцарии, энциклопедически образованного ученого-путешественника, который посетил Севастополь в начале 30-х годов XIX в. Разработанный им план путешествия по южной России был осуществлен при помощи русских ученых и поддержке императора Николая I.

В результате было издано «Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Колхиду, Грузию, Армению и в Крым» в шести томах (1838–1843). Собрание рисунков, чертежей, литографий автора издано в виде роскошного Атласа, являющегося сейчас библиографической редкостью. Ф. Дюбуа де Монпере писал: «Предоставленный моим собственным усилиям, я не мог и мечтать о том, чтобы присоединить к моему рассказу Атлас... если бы русское правительство своей щедростью и поощрениями не пришло мне на помощь» (Дюбуа де Монпере, 2009: 9). В посвящении императору Николаю I читаем: «Могу ли я забыть, как появился в пределах Вашей империи один, безвестный, не имея иной надежды на Вашу благосклонность, кроме твердого устремления посвятить мои досуги исследованиям, полезным для науки. И однако Ваше Величество сооблаговолило отнестись ко мне с благосклонностью, устранило все препятствия с первых же моих попыток следовать по избранному пути» (там же). После выхода «Путешествия» географические общества Лондона, Берлина и Санкт-Петербурга объявили Дюбуа де Монпере своим членом-корреспондентом. Император Николай I наградил его орденом Св. Станислава с приложением крупной суммы денег.

Труд Дюбуа де Монпере — это уже не отдельные наблюдения над античными памятниками, а научная работа, предвосхищающая и приближающаяся к их современному пониманию. Характеристике памятников Гераклейского полуострова в шестом томе описаний путешествия предпослана геологическая, физическая и историческая характеристика полуострова. Дюбуа писал: «Гераклейский полуостров — изолированная платформа, образующая угол между морем, степью и гористым регионом, который дорийцы из Гераклеи отвоёвали у тавров: сухая и каменная почва, разрезанная величественными бухтами, лишь благодаря человеческой изобретательности стала пригодной для жизни» (там же: 88).

Одним из результатов работы Дюбуа де Монпере явился «План Гераклейского полуострова», который он нанес на точную для своего времени военно-топографическую основу — карту выдающегося русского картографа капитан-лейтенанта Е. П. Манганари. На плане показано размежевание полуострова на участки и впервые зафиксировано внутреннее межевание участков. Дюбуа де Монпере первым дал описание межевых стен полуострова. Важнейшим является его тезис: «Херсонес, построенный между Карантинной бухтой на востоке и Созийской (Песочной) на западе, был лишь обособленной частью своего предместья, которое охватывало все плато Гераклейского полуострова. Предместье, покрытое селениями, садами, виноградниками, имело, как и город, свою стену» (там же: 201). Таким образом, Дюбуа де Монпере впервые обособил город от «предместья», установив, что есть город и что есть «предместье» — то, что позднее стали называть городом и хорой. Так же первым Дюбуа де Монпере написал о одновременном размежевании Гераклейского полуострова, говоря уже не об улицах города, как Габлиц, а о дорогах «предместья». Цитируем: «Поверхность полуострова была разделена параллельными линиями, которые расчерчивали его по всей длине и ширине, пересекаясь под прямым углом. Овраг, ров, скала — ничто не изменяло их направления. Эти линии... были дорогами, основными или проселочными... с каждой стороны воздвигались стены, заключавшие правильные четырехугольники, которые были окружены с четырех сторон дорогами, и доступны отовсюду... Зажатые в пределах полуострова колонисты вынуждены были проявлять изобретательность; видя его сегодняшнюю пустынную, трудно поверить, что 300 загородных усадеб могли разместиться на нем. Эта нехватка почвы вынудила жителей Херсона усвоить систему раздела и управления, которая давала

им большие преимущества» (там же: 215, 216). Дюбуа де Монпере назвал количество участков, близкое к данным современных исследований, первым употребив термин «надел». Он понял также, что полуостров «был предназначен для культуры винограда» (там же: 217).

На планах Ф. Дюбуа де Монпере впервые прорисована дорога, продолжавшая главную улицу Херсонеса и соединявшуюся затем с центральной магистралью «древнего Херсонеса» Страбона. Согласно Дюбуа де Монпере, она будет именоваться «Большой херсонесской дорогой». Приведем ее описание: «Дорога, уступая неровностям почвы, обходит склоны, холмы, пересекает овраги по насыпям, а достигнув Стрелецкой бухты, идет по вымостке из огромных камней... Наконец дорога упирается в верховья Круглой бухты. Спускаясь, я не могу удержаться от восхищения, любуясь этим живописным ансамблем извилистых бухточек, которые, даже будучи лишены украшавших их фруктовых садов и усадеб, тем не менее прекрасны. Две руины на берегах этой бухты (Казачьей. — А. 3.), воды которой не взволнует никакая буря, стоят одна против другой на двух мысах, и из глубины бухты кажется, что они замыкают ее в отдельный бассейн» (там же: 216, 218).

Дюбуа де Монпере представил типологию усадеб и башен Гераклеяского полуострова. Он писал: «Чтобы читатель мог составить себе ясную картину о том, что представляла собой усадьба и хозяйство херсонесцев, я собрал на одном листе (чертежа. — А. 3.) здания с их пристройками, которые показались мне самыми выразительными». И далее: «Усадьбы Херсонеса-полуострова не несут следов какого-либо архитектурного стиля... постройки сгруппированы ради соображений удобства, а не доставления радости глазу; нет ни колонн, ни других украшений. Единственная роскошь, которую позволял себе херсонесец, состояла в прочности его донжона (башни. — А. 3.). Усадьбы... группировались вдоль главных дорог... сосредотачивались вокруг источников прекрасной ключевой воды. Все они располагались скорее на возвышенных местах, нежели в глубине балок, и из многих открывался изумительный вид на Полуостров, на горы и даже на море с его бухтами» (там же: 219, 220).

Таким образом, Дюбуа де Монпере вслед за Палласом закладывал направления исследования аграрной структуры Херсонесского полиса. В последующем столетии раскопки Херсонеса подвели археологов к необходимости изучения полиса в целом, как города, так и хоры.

В заключение нам хотелось бы обратить внимание на любопытную историческую особенность трех начальных этапов изучения Херсонеса: оно осуществлялось в том числе иностранными учеными, которые, приезжая из Европы, создавали в России свою академическую карьеру и получали научное признание, а также чины и ордена. На конкретных примерах Габлица, Палласа, Дюбуа де Монпере мы видим в XVIII и XIX вв. приток ученых в Россию, и это не заурядные фигуры, а наиболее выдающиеся и передовые ученые того времени, причем они стали таковыми благодаря работе в России. Существенно также, что их научная реализация имела место благодаря содействию государства: Габлиц работал под покровительством Г. А. Потемкина, Паллас — Екатерины II и Александра I, Дюбуа де Монпере — Николая I. Как видим, Херсонесу посчастливилось в том, что после присоединения Крыма к России его исследование велось в буквальном смысле на самом высоком как государственном, так и научном уровне. Вероятно, это является одной из причин того, что труды первопроходцев — Габлица, митрополита Евгения (Болховитинова), Палласа, Дюбуа де Монпере — до настоящего времени сохраняют свое научное значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бойко, Н. В., Ткачева, Н. К. (1999) Петр Симон Паллас на русском языке // Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М. : Наука. 246 с. С. 7–14.

Буйских, А. В. (2008) Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху (Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum 5). Симферополь : Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины ; Центр археологических исследований БФ «Деметра». 421 с.

Гриневиц, К. Э. (1931) Исследование подводного города близ Херсонесского маяка. М. : Государственная академия искусствознания. 60 с.

Дюбуа де Монпере, Ф. (2009) Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым : в 6 томах Т. 5, 6 / пер. с франц., предисл. и прим. Т. М. Фадеевой. Симферополь : Бизнес-Информ. 328 с.

Е. (1822) О следах древнего греческого города Херсона, донныне видимых в Крыму // Отечественные записки. Ч. 9. Кн. 22. С. 145–163.

Зедгенидзе, А. А. (2011) Картографирование как способ изучения античного культурного ландшафта: хора Херсонеса Таврического // Культура информационного общества : сб. науч. ст. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 301 с. С. 290–299.

Зедгенидзе, А. А. (2012а) Вклад митрополита Евгения (Болховитинова) в исследование Херсонеса Таврического // XXII конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Материалы : в 2 т. М. : Изд-во ПСТГУ. Т. 2. 266 с. С. 66–69.

Зедгенидзе, А. А. (2012б) Митрополит Евгений (Болховитинов) и начало исследования Херсонеса Таврического // Человек в мире религиозных представлений. XIV Международная конференция по религии и религиоведению : Тезисы докладов. Севастополь : Национальный заповедник «Херсонес Таврический» ; Институт религиоведения Ягеллонского университета. 75 с. С. 28–29.

Зедгенидзе, А. А. (2014) О начале исследования Херсонеса Таврического // Вестник древней истории (в печати).

Зубарь, В. М. (2007) Хора Херсонеса Таврического на Гераклеяском полуострове. История раскопок и некоторые итоги. Киев : СтилоС. 317 с.

Паллас, П. С. (1999) Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М. : Наука. 246 с.

Стратановский, Г. А. (1964) Страбон. География : в 17 кн. / пер. и ком. М. : Наука. 943 с.

Дата поступления: 8.12.2013 г.

“ACADEMIC TRAVELS” OF THE END OF THE 18th AND THE BEGINNING OF THE 19TH CENTURIES AND THE STUDY OF CHERSONESOS TAURIKE

A. A. ZEDGENIDZE

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

The article examines the stages of the study of the agricultural territory (chora) of Chersonesos Taurike (an ancient Greek colony located near the present-day Sevastopol), which are related to “academic travels” organized by the Russian Academy of Sciences in the second half of the 18th and the beginning of the 19th centuries, namely to the studies of Peter Simon Pallas (1741–1811) and Frédéric Dubois de Montpéreux (1798–1850). The scientific significance of Chersonesos lies in the unique preservation of its chora: here the study can cover not only the city but also its chora, i.e. the ancient city-state in its integrity.

P. S. Pallas pointed to the good preservation of the ancient cultural landscape of the Heracleian Peninsula (the territory where the chora of Chersonesos was situated). He was the first to explain the linear masonry on the peninsula as stone fences of the fields (i.e. plots owned by Chersonesos citizens). He took notice of the remains of towers on the peninsula and called them fortifications

defending the valleys. The scientist explored the Lighthouse Peninsula where the remains of the “ancient Chersonesos” mentioned by Strabo were located. This resulted in the discovery of fortifying structures on the isthmus of the Lighthouse Peninsula. On an island in the Cossack Bay, Pallas observed constructions, which were included in this fortification system.

The work by F. Dubois de Montpéroux is not a collection of separate observations of ancient remains, but a study approaching to their modern appreciation. He made the “Plan of the Heracleian Peninsula”, where he mapped the delimitation of the plots and, for the first time, showed the subdivision of these land allotments. The researcher was the first to describe the boundary walls on the peninsula and to separate the city from its adjacent territory (i.e. chora). He indicated the number of the plots that is close to those in modern investigations; he was the first to use the term “plot” and to propose the typology of farmhouses and towers of the Heracleian Peninsula. He also understood that the peninsula was used for viticulture.

The interpretation of the ancient monuments of the Heracleian Peninsula is a topical historical and archaeological problem. It requires a systematization of all scholarly sources related to the study of the chora of Chersonesos, including the early ones. The article demonstrates that the trends of modern studies of the agricultural structure of the polis of Chersonesos were to a considerable degree determined by P. S. Pallas and F. Dubois de Montpéroux, the scholars of the 18th and 19th centuries.

Keywords: historiography of Chersonesos Taurike, polis, chora, ancient cultural landscape.

REFERENCES

Boiko, N. V. and Tkacheva, N. K. (1999) Petr Simon Pallas na russkom iazyke [Peter Simon Pallas Translated into Russian]. In: Pallas P. S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia putestestviia po iuzbnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [Observations Made during the Travel in the Southern Provinces of the Russian State in 1793–1794]. Moscow, Nauka Publ. 246 p. Pp. 7–14. (In Russ.).

Buiskikh, A. V. (2008) *Prostranstvennoe razvitie Khersonesa Tavricheskogo v antichnoi epokhu* [The Territorial Development of Chersonesos Taurike in Ancient Times]. Simferopol, The Crimean Branch of Krymsky Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine ; Center for Archaeological Investigations of the Charity Foundations “Demetra”.

Grinevich, K. E. (1931) *Issledovanie podvodnogo goroda bliz Khersonesskogo maiaka* [A Study of the Underwater City near the Chersonesos Lighthouse]. Moscow, Gosudarstvennaia akademiia iskusstvovedeniia. 60 p. (In Russ.).

Dubois de Montpéroux, F. (2009) *Putestestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiu, Armeniiu i v Krym*. T. 5, 6 [A Journey through the Caucasus, to the Circassians and Abkhazians, to Georgia, Armenia and the Crimea. Vols. 5, 6]. Simferopol', Biznes-Inform Publ. 328 p. (In Russ.).

E. (1822) O sledakh drevnego grecheskogo goroda Khersona, donyne vi-dimykh v Krymu [On the Remains of the Ancient Greek City of Chersonesos, Still Observable in the Crimea]. *Otechestvennyye Zapiski*, part 9, vol. 22, pp. 145–163. (In Russ.).

Zedgenidze, A. A. (2011) Kartografirovaniie kak sposob izucheniia antichnogo kul'turnogo landschafta: khora Khersonesa Tavricheskogo [Mapping as a Method of Study of an Ancient Cultural Landscape: The Chora of Chersonesos Taurike]. In: *Kul'tura informatsionnogo obschestva* [The Culture of Information Society] : collection of scientific articles. Moscow, Moscow University for the Humanities Press. 301 p. Pp. 290–299.

Zedgenidze, A. A. (2012a) Vklad mitropolita Evgeniia (Bolkhovitinova) v issledovanie Khersonesa Tavricheskogo [The Contribution of Metropolitan Evgeny (Bolkhovitinov) to the Study of Chersonesos Taurike]. In: *XXII konferentsiia Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* [The 22nd Conference of Saint Tikhon's Orthodox University] : proceedings in 2 vols. Moscow, Saint Tikhon's Orthodox University Press. Vol. 2. 266 p. Pp. 66–69. (In Russ.).

Zedgenidze, A. A. (2012b) Mitropolit Evgenii (Bolkhovitinov) i nachalo issledovaniia Khersonesa Tavricheskogo [Metropolitan Evgeny (Bolkhovitinov) and the Beginning of Study of Chersonesos Taurike]. In: *Chelovek v mire religioznykh predstavlenii. XIV Mezhdunarodnaia konferentsiia po religii i religiovedeniuiu* [Human Being in the World of Religious Beliefs. The 14th Conference on

Religion and Religion Studies] : scientific conference abstracts. Sevastopol', National Preserve of Chersonesos Taurike ; The Institute of Religious Studies at Jagiellonian University. 75 p. Pp. 28–29. (In Russ.).

Zedgenidze, A. A. (2014) O nachale issledovaniia Khersonesa Tavricheskogo [On the Beginning of the Study of Chersonesos Taurike]. *Vestnik drevnei istorii* (forthcoming). (In Russ.).

Zubar', V. M. (2007) *Khora Khersonesa Tavricheskogo na Gerakleiskom poluostrove. Istoriia raskopok i nekotorye itogi* [The Chora of Chersonesos Taurike on the Heracleian Peninsula. The History of Excavations and Some Results]. Kiev, Stilos Publ. 246 p. (In Russ.).

Pallas, P. S. (1999) *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [Observations Made during the Travel in the Southern Provinces of the Russian State in 1793–1794]. Moscow, Nauka Publ. 246 p. (In Russ.).

Stratanovskii, G. A. (1964) *Strabon. Geografiia v 17 knigakh* [Strabo. Geographica in 17 Books] / Translation and Commentaries. Moscow, Nauka Publ. 943 p. (In Russ.).

Submission date: 8.12.2013.

Zedgenidze Angelina Andreevna — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, культурологии и политологии факультета философии, культуры и искусства Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-61-81. Эл. адрес: zedgenidze@yandex.ru

Zedgenidze Angelina Andreevna, Candidate of Science (history), associate professor of the Philosophy, Culturology and Politology Department of the Faculty of Philosophy, Culture and Art, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-61-81. E-mail: zedgenidze@yandex.ru